

УДК 94 (415).06

А.А. ШОМАХОВА
(egy-2011@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ С.Ю. ВИТТЕ И П.А. СТОЛЫПИНА*

В статье дается характеристика мусульманского вопроса в Российской империи в конце XIX – нач. XX вв. и влияние на него внутри- и внешнеполитических факторов. Проанализированы два основных курса действий в разрешении мусульманского вопроса, предложенных С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным.

Ключевые слова: национальная политика, мусульманский вопрос, ислам, мусульмане, панисламизм, пантюркизм.

К концу XIX в. в Российской империи насчитывалось около 14 млн мусульман. Ислам стал второй по многочисленности приверженцев конфессией после православия. Мусульмане составляли свыше 11% населения империи [3, с. 324–326]. При этом в империи по традиции сохранялась тенденция признавать православие господствующей и первенствующей религией, а относительно других конфессий, в том числе и к исламу, действовал принцип терпимости. В этот период продолжала действовать политика терпимости к исламу, провозглашенная по Указу Екатерины II от 1773 г. По нему терпимость допускалась в той степени, которая соответствовала бы интересам государственного строя, порядка и царствующего дома Романовых [Там же, с. 45–46].

Последняя четверть XIX в. и первые годы XX в. стали периодом торжества охранительной политики самодержавия по отношению к нерусскому населению империи, в том числе и к мусульманам. Важно отметить, что из существовавших «инородческих вопросов» в меньшей степени власти и общество обращали внимание и считали менее опасным мусульманский вопрос, так как больше внимания уделялось польскому, еврейскому, финляндскому вопросам.

Однако рубеж XIX–XX вв. стал периодом синхронного подъема мусульманского движения в мире и среди мусульманского населения Российской империи. При этом для большинства российских мусульман религиозное пробуждение стало равно национальному. Такой активизации мусульманского населения страны способствовал ряд объективных и субъективных, внутри- и внешнеполитических, региональных, локальных, глобальных и пр. факторов. Развитие промышленности и экономический подъем регионов с преимущественно мусульманским населением привело к социально-политической активности мусульманского населения, они активно стали заявлять об уравнивании своих политических, гражданских и религиозных прав. Миссионерская деятельность православных организаций и ее поддержка властями привела к недовольству в мусульманских кругах и вызвала подъем национального самосознания. Мусульманские народы стали заявлять о своей культурной, религиозной и языковой самобытности. Стоит отметить, что наравне с подъемом национального самосознания в 1880–1890-е гг. началось движение за реформирование конфессиональной школы, за превращение ее в общеобразовательную, не подконтрольную государству, с переходом на более современные методы преподавания, за введение в программу светских предметов, введения преподавания на арабском и татарском языках. При этом стоит отметить рост потребности в изучении русского языка, вызванного увеличением торгово-промышленных связей и отбыванием воинской повинности [4, с. 40–41].

Русская революция 1905–1907 гг., Младотурецкая революция в Турции 1908 г. и в Иране 1907–1911 гг. активизировали политическую деятельность мусульманского населения, а также властных структур в разработке решения мусульманского вопроса. Обеспокоенность в имперских политических кругах стали вызывать начавшиеся духовные и политические явления, происходившие в многомилли-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

онной мусульманской среде Российской империи. В правительственных кругах предлагалось два основных курса действий в разрешении мусульманского вопроса: 1. Либеральный, более гибкий и прагматичный (С.Ю. Витте); 2. Более жесткий и нетерпимый (П.А. Столыпиным).

С.Ю. Витте бесспорно являлся одним из самых видных и влиятельных фигур в правительственных кругах Российской империи. В его лице власти видели терпимость к нерусскому населению в виде «дружелюбно-безразличного» отношения к ним [5, с. 203]. Он считал опасным обострение «национального чувства завоеванных инородцев» [Там же, с. 198]. В своих воспоминаниях он писал, что «когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов, то невозможно в XIX–XX веках вести политику, игнорируя этот исторический, капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю – их религию, их язык и проч.» [2, с. 261]. Очевидно, Витте был сторонником либерального, гибкого и прагматического курса этноконфессиональной политики государства, который призывал учитывать религиозные и национальные особенности нерусского населения империи. Он активно старался доказывать, что «сближению инородческих племен с русской народностью мешает создание без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству» [4, с. 43].

Об этом свидетельствует также секретная записка от 25 октября 1900 г. [5], адресованная военному министру А.Н. Куропаткину. Записка была составлена после участия в обсуждении «противомусульманских» действий в военном министерстве, которые были составлены после подавления Андижанского восстания 1898 г. в Туркестане. Российское правительство было обеспокоено разразившимся выступлением под лозунгами «Джихада» и стало опасаться дальнейшего роста «исламской угрозы» и поэтому военно-административные ведомства столицы и Туркменистанского края стали предлагать резкое усиление контроля над духовной жизнью мусульман на территории всей империи, так же ограничить влияние мусульманского духовенства на население и даже вести «непрерывную систематическую борьбу с мусульманством», которая должна была вестись «твердою и бесповоротною рукой от лица центрального правительства» [7, с. 68–69].

Сергей Юльевич достаточно критически отнесся к проекту. В своей «Записке» он подверг детальному разбору, данный проект, выражая аргументированную критику и детально обосновал свои возражения и замечания по его существу [5]. Он писал, что «в течение...долгого периода русской власти приходилось постоянно вполне сознательно устанавливать свои отношения к мусульманским подданным, и, если в действиях правительства в этом направлении, быть может, и замечались по временам некоторые колебания... тем не менее несомненно, что в отношении всех мероприятий всегда неизменно лежало одно начало – терпимость к мусульманской религии и доверие к благонадежности мусульман. Это начало вело к признанию за мусульманами полной равноправности с другими подданными Империи, обеспечивало им свободу в отправлении их духовных потребностей и невмешательство в их духовную жизнь» [5, с. 200]. Но взамен всего этого Военное министерство предлагает «руководящим принципом нашей политики по отношению к мусульманству поставить отношения противоположные: недоверие и нетерпимость. Вместо традиционного дружелюбно-безразличного отношения к исламу» [Там же, с. 203]. По мнению Сергея Юльевича, отход от принципа толерантности по отношению к исламу установленного еще при Екатерине II мог привести к негативным и крайне опасным последствиям. Он так же скептически отнесся к тому, что основой Андижанского восстания стала идея панисламизма, уверяя что оно было «явление случайное, созревшее на почве невежества и суеверия» и поэтому не следует из-за одного случая подозревать и обвинять все российское мусульманство [Там же, с. 204]. Опровергая бытовавшие в стране опасения скорой победы идей панисламизма, он отметил, что: «панисламизм и его успехи среди наших мусульман – явление еще весьма малоизученное, недостаточно выясненное и составляет пока вопрос совершенно открытый, не могущий служить основанием ни для каких выводов и настроений» [Там же, с. 204].

Показывая свой политический прагматизм, дальновидность, понимание связи мусульманского вопроса внутри империи и внешней политики, он писал: «Наконец, нельзя...забывать, что наша

внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней» [5, с. 205], он понимал и опасался, что изменения правительственного курса по отношению к мусульманскому населению создаст дополнительные проблемы русской дипломатии – «поэтому едва ли было бы осторожно именно теперь применять к русским подданным мусульманам такие меры, которые могут дать повод к обвинению России в нетерпимости к исламу и породить неприязненное к ней настроение во всем мусульманском мире» [Там же, с. 206]. Таким образом, в ситуации жесткого соперничества Российской империи с Европой за влияние на Востоке, чтобы Россию не воспринимали как враждебную силу в Азии, он настойчиво доказывал необходимость проведения практических мер – «развития среди подрастающего поколения правильного (то есть европейского) образования»; только оно «может постепенно дать место убеждению, что вошедшая в шариат ненависть ко всему вне ислама была порождением давно минувших условий быта и деятельности» [Там же, с. 205].

Иную позицию по мусульманскому вопросу занимал П.А. Столыпин. Значение исламского фактора в политической жизни страны он ощутил, когда был назначен на должность саратовского губернатора (1903–1906 гг.). Став в 1906 г. министром внутренних дел, а затем уже и председателем Совета министров, в силу своей должности и происходивших политических процессов в стране, ему пришлось иметь дело с мусульманским миром в период первой русской революции 1905–1907 гг. и сталкиваться с такими новыми явлениями как мусульманские собрания и съезды, деятельность мусульманских партий и мусульманской фракции. Его беспокоили процессы, происходившие в мусульманской стране как в внутри России, так и вне ее. Петр Аркадьевич в 1909 г. пришел к убеждению, что ислам стал представлять «особую сильную угрозу для безопасности государства, сам же мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным» [9, с. 134]. Он опасался, что мусульманское население империи попадет под жесткое влияние турецких идей. Его беспокоили контакты российских мусульман с политическими и конфессиональными кругами Турции. В Предписании министра внутренних дел П.А. Столыпин писал, что «руководители младотурецкого движения, не ограничиваясь в пропаганде своих идей пределами Турции, решили способствовать возрождению ислама и в других странах... развивать панисламскую и пантюркскую идею в России. С этой целью младотурецкие вожди послали в Россию... ряд лиц... для проповеди среди наших мусульман теории о единстве всего мусульманского мира» [8] и «что всякое влияние на наших подданных мусульман со стороны политических деятелей культурно враждебного нам государства, каким является Турция, должно быть пресечено в корне» [Там же]. Он ратовал за прекращение распространения в России еженедельного журнала «Гааруфуль-Муслимин», издававшегося в Константинополе. Министр внутренних дел считал, что главная цель издателей «распространение среди русских мусульман идеи панисламизма и вызвать неприязнь к императорскому правительству, обвиняя его в гонении ислама, притеснениях мусульман, порабощении их школы и т. п.» [Там же].

В январе 1910 г. министром было проведено «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае». По его итогам в 1911 г. был составлен проект, в котором была сформулирована программа дальнейших «противомусульманских» мер и действий [6]. Особое внимание в проекте было уделено ряду мер, направленных на подчинение мусульманских школ государству. Обосновывалась необходимость разделения общего и конфессионального образования, т.к., по мнению Столыпина, зарубежные исламские круги с целью «подъема мусульманского фанатизма» особо усиленно стремились «внедрить в мусульманскую школу, при посредстве соответственно подготовленных учителей, убеждение в необходимости единения на пантюркских национальных основаниях» [Там же]. Он писал, что «правительство, не может и не в праве допускать, чтобы массы мусульман воспитывались в том направлении, которое приведет их к полному культурному отчуждению от господствующих в государстве начал, к исканию национальных идеалов вне своего государства и в поспешии первой по своей важности идеи о целостности государственного тела» [Там же]. Для этого было признано необходимым убрать из мусульманских конфессиональных школ общеобразовательные предметы; передать общеобразовательные учебные учреждения со-

держимые мусульманами установленным государством общим правилам для школ подобного типа. Правительство не запрещало мусульманскому населению получать конфессиональное образование, оно хотело только закрепить за собой право контролировать образовательный процесс в мусульманских школах. Программа преподавания мусульманского вероучения должна была разрабатываться «авторитетными представителями мусульманского духовенства и утверждаться Министром Внутренних Дел» [Там же]. Преподавание должно было вестись исключительно по учебникам, изданным в России и только русскими подданными, для того, чтобы оградить данные учебные заведения от враждебных влияний. Одновременно предлагалось ужесточить контроль за мусульманскими конфессиональными школами, возложив его на учебную инспекцию под совместным руководством губернаторов и попечителей учебных округов. Вместе с тем, он указывал, что «правительственные мероприятия не должны быть направляемыми ни к ограничению религиозной свободы, ни к стеснению племенной самобытности инородцев, исповедующих ислам» [Там же], что все эти меры являлись прямым «противодействием разрушительной противогосударственной деятельности фанатически настроенных инородческих элементов и приобщение инородческого населения, ... к общей государственной культурной жизни» [Там же]. Однако стоит отметить, П.А. Столыпин подчеркивал, что в отношении к мусульманскому населению необходимо действовать последовательно и осторожно, что «намеченные меры не должны приводиться в жизнь с раздражающими местное мусульманское население приемами..., не должны касаться религиозных убеждений» [6]. В итоге проект не получил своего дальнейшего законодательного развития.

Таким образом, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин являлись убежденными «державниками», которые трудились на благо развития и укрепления Российской империи, отстаивая ее интересы (как они их понимали). Несмотря на расхождения в решении мусульманского вопроса, в одном, самом главном, их желания, стремления были едины. Они не хотели искоренения ислама как религии и (или) запретить проведения религиозных обрядностей. Они признавали необходимость интегрировать мусульманское население страны в «единое государственное тело империи» [1], т.е. в общее социокультурное пространство посредством «правильной» системы образования (светского, европейского) и русского языка. В целом российские власти и общественные деятели всегда традиционно рассматривали систему воспитания и образования нерусского населения как способ их интеграции с русским населением, и как способ привить им дисциплинированность – а значит, и как универсальный способ решения социально-политических и культурных проблем в инородческой среде.

Литература

1. Арапов Д.Ю. Этническое и конфессиональное в российском мусульманстве: исламская политика государства в XX–XXI вв. // Этножурнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnonet.ru/etnografiya/jetnicheskoe-i-konfessionalnoe-v-rossijskom/>. (дата обращения: 17.12.2016).
2. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. III. М., 1994.
3. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001.
4. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX века) / подгот. Лукьянов И.В. СПб., 1998.
5. Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г (публикация Д.Ю. Арапова) // Сб. Русского исторического общества Т. 1 (155). М., 2003. С. 198–209. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-istoria.ru/book/15/files/assets/pages/page0198.swf> (дата обращения: 17.12.2016).
6. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Восток. 2003. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://tatar-history.narod.ru/stolypin.htm> (дата обращения: 18.12.2016).
7. Литвинов П.П. Временные правила об управлении духовными делами мусульман // Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным документам). Елец, 1998.
8. «Опасные для единства нашего государства проповедники...» П.А. Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме. 1910 г. // Отечественные архивы 2004. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.rusarchives.ru/publication/stolypin.shtml> (дата обращения: 18.12.2016)
9. Российская государственность XX века. М., 2001. С. 181.

SHOMANOVA A.A.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**MUSLIM QUESTION IN THE RUSSIAN EMPIRE
AND ATTITUDE TOWARDS IT S. VITTE AND P. STOLYPIN**

The characteristic of the Muslim question in Russian empire in the end of 19th beginning of 20 century and domestic and foreign policy's factors' influence on it is given in the article. Two main policies of action towards the resolution of the Muslim question, they are S. Vitte and P. Stolypin.

Key words: national policy, muslim question, Islam; Muslims, pan-Islamism, pan-Turkism.